

Г. Г. Матвеева, М. В. Лесняк, И. А. Зюбина
Ростов-на-Дону, Россия

ПЕРСОНАЛЬНОСТЬ И КОЛЛЕКТИВНОСТЬ В НЕМЕЦКОМ ПАРЛАМЕНТСКОМ ДИСКУРСЕ: ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ФОКУСЕ СКРЫТОЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ПРАГМАЛИНГВИСТИКИ

АННОТАЦИЯ. Базовые категории парламентского дискурса «персональность» и «коллективность» образуют антиномию, которая исследуется в данной статье на материале выступлений немецкого парламента методами скрытой и функциональной прагмалингвистики. Персональность и коллективность понимаются как категории, обуславливающие внутренние, субъективные характеристики дискурса парламентариев. Персональность выражается в стремлении к личностному доминированию в речи. Коллективность проявляется к уходу от ведущей роли в ситуации общения. В аспекте скрытой прагмалингвистики персональность исследуется через личный план речевой стратегии скрытого воздействия «Участие/неучастие коммуникантов в речевом событии», а коллективность — через социальный план той же стратегии. В рамках функциональной прагмалингвистики персональность изучается с помощью тактики самопрезентации коммуникативной стратегии «Формирование позитивного отношения у адресата к речевому событию», а коллективность — с помощью тактики солидаризации данной стратегии. Анализ ненамеренной актуализации и целенаправленной реализации вышеуказанных стратегий позволяет установить ауто- или социоориентированность политиков, определить расстановку ролей в рамках немецкой парламентской коммуникации, а также обнаружить совокупный воздействующий эффект политической коммуникации. Такой подход открывает новые перспективы для изучения европейского парламентского дискурса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: персональность; коллективность; речевое воздействие; парламентский дискурс; скрытая прагмалингвистика; функциональная прагмалингвистика.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Матвеева Галина Григорьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкой филологии, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет; адрес: 344082, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 33, к. 409; e-mail: gegemat2337633@rambler.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Лесняк Марина Валерьевна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры теории и практики немецкого языка, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет; адрес: 344006, г. Ростов-на-Дону, пер. Университетский 93, к. 21; e-mail: mvlesnyak@sfedu.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Зюбина Ирина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет; адрес: 344072, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 33, к. 415; e-mail: i-r-a-z@rambler.ru.

Данная статья является частью исследования, посвященного многоплановому и многоярусному изучению европейского парламентского дискурса, и демонстрирует результаты рассмотрения категории персональности в оппозиции к категории коллективности с точки зрения скрытой и функциональной прагмалингвистики на материале выступлений депутатов бундестага.

Категория персональности рассматривается в современной лингвистике как многоуровневая и многоаспектная. Она описывается с точки зрения функционально-семантической грамматики [Бондарко 1992], когнитивной лингвистики [Худяков 2005], как текстообразующая категория [Стратийчук 2006], а также в русле комплексного, сравнительного подхода [Пивоварчик 2009; Шлык 2012]. Такой интерес, несомненно, свидетельствует об актуальности затронутой проблемы. Однако вопросы прагматического потенциала данной категории часто остаются за рамками интересов лингвистов, хотя именно персональность играет ведущую роль в создании речевого имиджа говорящего и тем самым осуществляет расстановку ролей, определяет регистр и тон интеракционного плана в конкретной речевой ситуации. Особенно важным является выявление такого «подспудного» речевого воздействия в коммуникативных рамках современного парламента, поскольку завоевание лидирующих позиций на политическом ландшафте отдельными политиками

или группами политиков определяет общую ситуацию в стране и влияет на политический климат в Европе.

Персонализация относится к важнейшим характеристикам парламентской коммуникации, поскольку отражает институциональную необходимость наличия идиополитических дискурсов и соотносится с первой частью дихотомии «адресат — адресант» [Алферов, Кустова 2014: 26]. Адресант в парламенте может быть как индивидуальным (персона), так и коллективным (партия). Мнение коллективного адресанта представляет конкретный политик, как правило, занимающий лидирующую позицию в собственной фракции. При этом он может быть не согласен с мнением партийного большинства, однако в силу институционализированной необходимости обязан представлять точку зрения, принятую на заседании партии.

Персонализация тесно взаимодействует с прагмалингвистической категорией персональности. Если первая определяет внешние (объективные, т. е. определяющиеся коммуникативными рамками ситуации речевого общения) особенности дискурса конкретного политика, то вторая обуславливает внутренние (субъективные, т. е. определяющиеся личностными качествами коммуниканта) характеристики дискурса говорящего. Иными словами, персональность с точки зрения скрытой и функциональной прагмалингвистики

Статья написана при поддержке РГНФ — конкурс № 14-04-00029 «Культурологические и лингвопрагматические аспекты парламентской коммуникации в странах Евросоюза (Великобритания, Германия, Франция. Европарламент)».

© Матвеева Г. Г., Лесняк М. В., Зюбина И. А., 2015

определяется как стремление к проявлению личностного доминирования в речи. Антагонистической категорией является категория коллективности, которая проявляется в стремлении к уходу от ведущей роли в конкретной ситуации общения. Последовательно рассмотрим персональность и коллективность в фокусе скрытой и функциональной прагмалингвистики.

В скрытой прагмалингвистике персональность подлежит исследованию через речевую стратегию скрытого воздействия «Участие/неучастие коммуникантов в речевом событии» [Матвеева 1998: 28]. «Речевая стратегия скрытого воздействия представляет собой многоаспектное коммуникативное явление. Оно реализуется на акциональном уровне, т. е. уровне речевых действий, и на текстуальном уровне. Речевая стратегия основана на привычном, а потому не осознаваемом, выборе лингвистических единиц, воздействующий эффект от которого также не осознается адресатом» [Лесняк 2014: 62]. То есть речевое воздействие, оказываемое говорящим на реципиента в процессе актуализации речевой стратегии, не очевидно. Оно скрыто от обоих коммуникантов и достигается путем накопления порогового уровня дополнительных нюансов смысла, которые накладываются на исходные грамматические и текстуальные значения выбираемых лингвистических единиц. Наложение нюансов смысла происходит одновременно в речевом акте и одновременно с реализацией речевых сигналов. Актуализация этих дополнительных скрытых смыслов является результатом устоявшихся речевых привычек, поэтому стратегии скрытого воздействия используются для диагностики речевых портретов и/или их фрагментов говорящих.

Стратегия «Участие/неучастие коммуникантов в речевом событии» относится к эмотивно-ориентированным стратегиям скрытого воздействия [Матвеева 2011: 180], т. е. обнаруживающим личностные качества говорящего. Она актуализируется в речи тремя речевыми планами: личным, социальным и предметным.

Прагматический потенциал личного плана заключается в актуализации в речевом акте участия адресанта или адресата. Эта актуализация осуществляется в результате выбора говорящим речевых сигналов центральной грамматической категории — категории лица. Она обозначает отношения действия (процесса) и его субъекта к говорящему лицу. Категория лица для немецкого языка выражается в выборе личных глагольных форм, а также форм личных и притяжательных местоимений 1 и 2-го лица (*ich, du, mir/mich, dir/dich, mein, dein*), глагольных форм императива, обращения:

*Herr Putin, **tun Sie** das, **was Sie** im Dezember gesagt haben! **Ermöglichen Sie** dem ukrainischen Volk ein organisches Miteinander unterschiedlicher Völker in einem ungeteilten Land! Herr Putin, **wenn Sie** angeblich bereit sind, mit allen Partnern zu reden, dann fordere **ich Sie** auf: **Stimmen Sie** einer OSZE-Vermittlung **zu! Stimmen Sie** der Einrichtung einer Kontaktgruppe **zu! Setzen Sie sich** an einen Tisch, und **sprechen Sie** miteinander! **Seien Sie bereit**, sich auf Vermittlungslösungen einzulassen!*

***Hören Sie auf**, mit Gewalt zu drohen oder Gewalt gar anzuwenden (F.Thönnies)!*

В данном фрагменте речи парламентария личный план актуализирован выбором следующих речевых единиц: личных глагольных форм 1-го лица (*ich fordere... auf*), личных глагольных форм 2-го лица (*was Sie... gesagt haben, wenn Sie... bereit sind*), местоимения 1 лица (*ich*), что указывает на адресанта, вежливой формы 2-го лица (*Sie*), что указывает на адресата; глагольной формы императива (*tun Sie, ermöglichen Sie, stimmen Sie zu, setzen Sie sich, sprechen Sie, seien Sie bereit, hören Sie auf*); обращения (*Herr Putin!*).

Выбирая вышеуказанные средства выражения личного плана скрытого воздействия, политик интуитивно подчеркивает свое собственное участие или участие адресата, в данном случае президента Путина, в речевом событии. Он апеллирует к силе собственного авторитета, демонстрирует свою лидирующую роль в данной коммуникативной ситуации и устанавливает назидательный регистр общения. Все это соответствующим образом воспринимается слушателями в результате накопления значительного числа речевых сигналов личного плана.

Механизм актуализации личного плана является диагностирующим для выявления прагмалингвистического потенциала персональности.

Прагматическому потенциалу персональности противостоит прагматический потенциал коллективности, который в рамках скрытой прагмалингвистики рассматривается, также в рамках речевой стратегии скрытого воздействия «Участие/неучастие коммуниканта в речевом событии», как представляющий социальный план.

Прагматическое содержание социального плана скрытого воздействия опирается на общепринятые социальные нормы отношений к фактам действительности. С помощью средств актуализации этого плана демонстрируется участие в речевом событии всего социума, к которому причисляются адресант, адресат, а также коммуниканты за рамками речевого события, т. е. не только присутствующие на парламентском заседании депутаты, но и весь политический электорат. Все участники парламентской коммуникации (в том числе слушатель за пределами зала заседаний) одновременно признают и объективируют факт речевой действительности, иначе говоря, модифицируют индивидуально осознаваемый факт общественно субъективным и социально нормативным содержанием. Статус социальной нормы придает явлению в глазах получателей политических сообщений традиционность, привычность, а следовательно, приемлемость, поэтому статус социальной нормы обладает скрыто убеждающим, прагматическим воздействием эффектом [Матвеева 2011: 7].

Следует отметить, что разделение на «мы» и «они» — более древнее и раннее, чем на «я» и «ты». «Мы» считается своими, «они» — чужими. Внутренние сомнения человека, колебания при принятии любого решения — это процесс переживания и выбора, кто кому ближе, кто свой, а кто чужой. Склонить чашу весов может лишь большая симпатия [Зюбина 2005: 48].

Социальный план в речи парламентариев актуализируется выбором следующих местоимений:

- личного местоимения 1-го лица множественного числа в его деперсонализированном употреблении, при котором местоимение „wir“ теряет определенность лица: оно обобщается, в его состав включается весь социум, любой человек.

Wir hoffen, dass Moskau wieder zur Vernunft kommt (A. Schockenhoff).

Выбирая инклюзивное местоимение „wir“, парламентарий объективирует надежды всего политического электората Германии на то, что «Москва вновь образумится»;

- притяжательного местоимения „unser“, неопределенных местоимений „jeder“, „alle“.

In den Dialog in der Ukraine müssen alle Bevölkerungsgruppen einbezogen werden, auch die russischstämmigen (N. Spinrath);

- неопределенно-личного местоимения *man*, как правило, в сочетании с модальными глаголами: *können* — *man kann(nicht)*, *müssen* — *man muss (nicht)*.

Man muss sich einmal bei Licht ansehen, was Putin mit seiner Gewaltanwendung auf der Krim bewirkt (K.-G. Wellmann)!

Выбирая неопределенно-личное местоимение *man* в сочетании с модальным глаголом *müssen*, парламентарий указывает на необходимость «внимательно разобратся, чего добивается Путин применением силы в Крыму». Таким образом, он как бы приглашает остальных участников коммуникации присоединиться к ходу его мыслей и действий.

Механизм актуализации социального плана является диагностирующим для выявления прагматического потенциала коллективности.

Коллективность и персональность относятся к имманентным характеристикам парламентского дискурса, и в фокусе скрытой прагмалингвистики диагностируются методом модифицированного прагмалингвистического контент-анализа [Матвеева, Ленец, Петрова 2013: 163—168]. Для выявления персональности и коллективности в немецком парламентском дискурсе был проведен анализ парламентских выступлений десяти депутатов бундестага Германии (F.-W. Steinmeier, G. Gysi, R. Mützenich, A. Schockenhoff, G. Erler, K.-G. Wellmann, F. Thönnies, C. Bergner, N. Spinrath, W. Gehrcke). Анализ показал, что только у одного наблюдается процентное превышение доверительного интервала по личному плану (22,5 %): F.-W. Steinmeier — 27,6 %. Этот факт позволяет сделать вывод, что в его речевом поведении проявляется скрытое стремление к высокой степени персональности, т. е. ориентированности на собственную интерпретацию актуальной политической реальности. Тем самым политик оказывает подспудное вербальное воздействие на адресата, заявляя свою позицию как авторитетную, на которую следует ориентироваться.

Что касается коллективности, которая выявляется при исследовании социального плана, то можно указать на двух депутатов: R. Mützenich и K.-G. Wellmann. Их показатели (соответственно 25,8 %, и 25,7 %) превышают верхнюю границу доверительного интервала (22,8 %) социального

плана. Поэтому можно говорить об актуализации кооперативного типа речевого поведения, о готовности к сотрудничеству, о вовлечении адресата в процесс принятия политических решений, т. е. устанавливается менее официальный регистр общения путем автоматического, неосознаваемого проявления стремления к коллективности.

С позиции функциональной прагмалингвистики прагматический потенциал персональности и коллективности выражается посредством коммуникативной стратегии «Формирование позитивного отношения у адресата к речевому событию» (в дальнейшем стратегия «Формирования позитивного отношения»). Данная стратегия реализуется через тактики самопрезентации и солидаризации. Для этого адресант подбирает слова и выражения, вызывающие у адресата позитивное отношение к оратору и предмету его речи.

Рассмотрим тактику самопрезентации как инструмент целенаправленного речевого воздействия политика бундестага на своих коллег и на электорат. Она реализуется через выбор определенных лингвистических средств на лексическом и синтаксическом уровне с целью создания благоприятного политического имиджа говорящего в глазах аудитории. В основе положительной самопрезентации лежит стремление расширить и поддержать влияние в межличностных отношениях, т. е. стремление к власти [Шейгал 2000: 231].

Тактика самопрезентации реализуется через целенаправленный выбор иллокуций одобрения и восхваления парламентарием себя, своих взглядов и решений. На лексическом и синтаксическом уровнях выбираются:

- лексемы, связанные с общечеловеческими ценностями. Такие лексемы называют «лозунговыми словами» [Михальская 1996: 155—156]. Они имеют положительную окраску, обладают большой убеждающей силой и создают у реципиента положительное отношение к тексту и его отправителю. Каждый получатель наполняет их своим смыслом;

– парантез, или вставная конструкция. Выражает отношение автора к тексту [Розенталь 1977: 301]. В целостном произведении появление парантетических конструкций помогает автору выразить свое мнение, отразить особенности своего мышления, внести какие-нибудь уточнения, добавить или снять двусмысленность сообщения [Дергунова 2012: 74]: *Wenn sich das — ich sage das ganz deutlich — zu einem Kalten Krieg auswächst, dann werden die Westeuropäer alles tun, um sich zukünftig noch unabhängiger von Russland zu machen* (G. Erler).

Выбор парантетической конструкции „ich sage das ganz deutlich“ обусловлен стремлением парламентария сконцентрировать внимание адресата на предлагаемой позиции по данному вопросу. Тем самым личное мнение постулируется как условно ориентировочное;

- метафора [см. подр. о политической метафоре: Баранов, Караулов 1991: 14—17; Чудинов 2000: 158—161], которая понимается нами как эффективное средство, формирующее позитивное или негативное отношение к предмету речи, позволяющее реконструировать концептуальную систему говорящего.

Das Assoziierungs- und Freihandelsabkommen wurde in der öffentlichen Meinung der Ukraine oft genug als goldener Weg zur Mitgliedschaft im europäischen Klub dargestellt (С. Bergner).

Употребление в речи метафоры „goldener Weg zur Mitgliedschaft im europäischen Klub“ (золотой путь к членству в европейском клубе) сигнализирует об ироничном негативном отношении парламентария к СМИ Украины. Европейский союз представляется говорящим как закрытое сообщество успешных деятелей — некий клуб, в который ограничен доступ желающих;

— эпитет как средство речевой выразительности, передающее в рамках данной тактики позитивное отношение автора к образному определению предмета или действия [Голуб 2010: 105].

Wir wollen ein starkes Russland, wir wollen ein modernes Russland, wir wollen ein friedliches und demokratisches Russland als unseren Nachbarn haben (A. Schockenhoff).

Выбор положительных эпитетов для России немцем парламентарием («ein starkes, modernes, friedliches und demokratisches Russland») свидетельствует о его стремлении выразить собственное позитивное отношение к России.

Как мы видим, тактикой самопрезентации немецкие парламентарии вызывают у адресата позитивное ауто-ориентированное отношение.

Тактика солидаризации предполагает демонстрацию политиком символической принадлежности к определенной социальной, статусной или политической группе получателя с целью установления контакта и создания последующего доверия между политиком и аудиторией. Эта тактика реализуется через выбор иллюзий единения и сплочения. В основе выделяемых нами речевых приемов реализации тактики лежит прагматическая семантика общности, единодушия, духа коллективизма, идея разделения единых ценностей, норм [Самарина 2006: 67—68]. Как мы видим, прагматическое содержание категории коллективности, выражаемой посредством тактики солидаризации, обусловлено стремлением парламентария к идентификации с группой своих политических сторонников. На лексическом и синтаксическом уровнях выделяются следующие речевые приемы реализации этой тактики:

— этникины — названия жителей определенной местности, связанные с коллективным национальным самосознанием (Deutsche, Bürgerinnen, Bürgerinnen, Europäer). Они объединяют людей, проживающих на одной территории [Филинский 2002: 5]: *Wir Europäer haben im vergangenen Jahr in mehreren Entscheidungsrunden Sanktionen verhängt* (A. Merkel);

— разговорные фразы. Для того чтобы стать «своим», политик должен говорить на языке народа. Другими словами, имидж политика предполагает четкую адресность: *Schieben Sie nicht die Verantwortung auf andere, die damit gar nichts zu tun haben! Es ist Ihre Verantwortung als Bundesregierung und als eine der diese Koalition tragenden Parteien, dieses Problem zu lösen, und nicht, hier ein Schwarzer-Peter-Spiel zu treiben* (O. Kirschner).

В данном примере парламентарий употребляет разговорное выражение «переводить стрел-

ки» (Schwarzer-Peter-Spiel zu treiben), чтобы продемонстрировать солидаризацию со слушателем, находящимся вне стен бундестага;

— лингвистические единицы со значением совместности (*wir, unser, jeder, jedermann, alle, Nation, europäische Einheit, Partnerschaft, Solidarität, gemeinsam, ganz, vereinigt, kollektiv, mitarbeiten, teilhaben, als Europäerinnen und Europäer handeln, zusammenhalten* usw.): *Meine Damen und Herren, es ist selbstverständlich, dass wir uns bemühen, wieder eine EU-Russland-Partnerschaft aufzubauen* (С. Bergner).

Парламентарий целенаправленно выбирает выражение «партнерство между ЕС и Россией», что свидетельствует о стремлении убедить реципиентов присоединиться к его мнению;

— лозунги различных типов: *Wir haben immer unter Beweis gestellt: Europäische Solidarität gilt* (G. Hasselfeldt).

Выбор лозунга «Европейская солидарность в силе» нацелен на присоединение сторонников к мнению говорящего.

Как мы видим, тактикой солидаризации немецкие парламентарии демонстрируют готовность к консолидации со своими политическими сторонниками в целях создания эффективного противовеса политическим политикам.

Персональность и коллективность составляют одну из базовых дихотомий парламентского дискурса. Эта дихотомия отражает борьбу за лидирующие позиции в политическом пространстве страны и Евросоюза, вскрывает ведущую роль адресанта (персональность) или его социоориентированность (коллективность) в интеракционном плане, а также обнаруживает смену регистра внутрипарламентского общения. Исследование данных категорий в аспекте функциональной и скрытой прагмалингвистики представляет ценность в том плане, что позволяет обнаружить синкретический воздействующий эффект немецкой парламентской коммуникации через актуализацию выбором соответствующих планов речевой стратегии скрытого воздействия и реализацию выбором конкретных тактик коммуникативной стратегии этой дихотомии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алферов А. В., Кустова Е. Ю. О дискурсивном статусе и категориях парламентской коммуникации: подходы к исследованию // Политическая лингвистика. 2014. № 3 (49). С. 24—32.
2. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора : материалы к словарю. — М.: Ин-т рус. яз. АН СССР, 1991.
3. Бондарко А. В. Субъектно-предикатно-объектные ситуации // Теория функциональной грамматики: субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность. — СПб., 1992.
4. Голуб И. Б. Стилистика современного русского языка. — М., 2010. С. 105.
5. Дергунова А. А. Роль парантетических конструкций в текстах новостей немецкоязычных СМИ // Вестн. МГОУ. Сер.: Лингвистика. 2012. № 5. С. 74.
6. Зюбина И. А. Прагмалингвистический аспект речевого поведения русскоговорящего и англоговорящего государственного обвинителя : дис. ... канд. филол. наук. — Ростов н/Д, 2005.
7. Лесняк М. В. Речевая стратегия как инструмент моделирования возможной действительности в политическом дискурсе (с позиции скрытой прагмалингвистики) // Вестн. Че-

ляб. гос. ун-та. 2014. № 3 (332). С. 61—67. (Филология. Искусствоведение; вып. 87).

8. Матвеева Г. Г. Нюансы смысла в скрытой прагмалингвистике // Филологический вестник РГУ. 1998. № 2. С. 28—32.

9. Матвеева Г. Идентификация социального лица говорящего: теория и практика. Привычный выбор автором речевых сигналов скрытых грамматических значений и диагностирующие свойства речевых портретов. — Saarbrücken : LAP Lambert, 2011.

10. Матвеева Г. Г., Ленец А. В., Петрова Е. И. Основы прагмалингвистики. — М. : Флинта : Наука, 2013.

11. Михальская А. К. Русский Сократ: лекции по сравнительно-исторической риторике : учеб. пособие для студентов гуманитарных фак. — М. : Academia, 1996.

12. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. — М. : Учпедгиз, 1956.

13. Пивоварчик Т. А. Персональность: коммуникативный, номинативный, прагматический типы семантики // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2009. № 11. С. 238—239.

14. Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка. — М. : Высш. шк., 1977.

15. Самарина И. В. Коммуникативные стратегии «создание круга чужих» и «создание круга своих» в политической коммуникации : дис. ... канд. филол. наук. — Ростов н/Д, 2006.

16. Стратийчук Е. Ю. Персональность как текстообразующая категория художественного текста : дис. ... канд. филол. наук. — Ростов н/Д, 2006.

17. Филинский А. А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1990—2000 гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Тверь, 2002.

18. Харабаева В. И. Периферийные средства выражения персональности в якутском языке // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2013. № 16 (307). С. 132—136. (Филология. Искусствоведение; вып. 78).

19. Худяков А. А. Категория персональности/имперсональности: опыт когнитивного анализа // Когнитивная лингвистика: ментальные основы и языковая реализация. — СПб. : Тригон, 2005. — Ч. 1 : Лексикология и грамматика с когнитивной точки зрения : сб. статей к юбилею профессора Н. А. Кобрин. С. 190—198.

20. Чудинов А. П. Метафорическая модель «Россия — криминальная страна» в современном политическом дискурсе // Язык. Человек. Картина мира. — Омск, 2000. С. 158—161.

21. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — Волгоград : Перемена, 2000.

22. Шлык Е. В. Зона пересечения категории модальности, темпоральности, персональности и аспектуальности в русском и английском языках // Вестн. Брянск. гос. ун-та. 2012. № 2. С. 333—338.

G. G. Matveeva, M. V. Lesnyak, I. A. Zyubina
Rostov-on-Don, Russia

PERSONALITY AND COLLECTIVENESS IN THE GERMAN PARLIAMENTARY DISCOURSE: PECULIARITIES OF SPEECH INFLUENCE IN THE FOCUS OF IMPLICIT AND FUNCTIONAL PRAGMALINGUISTICS

ABSTRACT. *The basic categories of parliamentary discourse "personality" and "collectiveness" create the antinomy, which is studied in this paper on the material of the speeches made in the German Parliament by the methods of implicit and functional pragmalinguistics. Personality and collectiveness are understood as the categories that contribute to the internal, subjective characteristics of parliamentary discourse. Personality is expressed in the pursuit of personal dominance in speech. Collectiveness appears to be a means of avoiding leadership in a communicative situation. In the aspect of implicit pragmalinguistics, personality is studied through the personal plane of the implicit speech strategy "participation / non-participation of the communicants in the speech event", and collectiveness through the social plane of the same strategy. Within functional pragmalinguistics, personality is studied by means of the tactics of self-presentation of the communicative strategy "Forming positive attitude of the recipient to a speech event", and collectiveness by means of the tactics of solidarization of this strategy. The analysis of unintended actualization and deliberate implementation of the above strategies allows one to define the auto- or socio- orientation of politicians, to determine the balance of their roles in the German parliamentary communication and also to discover the cumulative impact of political communication. Such approach opens up new perspectives for the study of the European parliamentary discourse.*

KEYWORDS: *personality; collectiveness; speech influence; parliamentary discourse; implicit pragmalinguistics; functional pragmalinguistics.*

ABOUT THE AUTHOR: *Matveeva Galina Grigor'evna, Doctor of Philology, Professor of Department of German Philology, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Lesnyak Marina Valer'evna, Candidate of Philology, Senior Lecturer of Department of Theory and Practice of the German Language, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Zyubina Irina Anatol'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Linguistics and Professional Communication, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.*

REFERENCES

1. Alferov A. V., Kustova E. Yu. O diskursivnom statuse i kategoriyaekh parlamentskoy kommunikatsii: podkhody k issledovaniyu // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 3 (49). С. 24—32.

2. Baranov A. N., Karaulov Yu. N. Russkaya politicheskaya metafora : materialy k slovari. — М. : In-t rus. yaz. AN SSSR, 1991.

3. Bondarko A. V. Sub'ektno-predikatno-ob'ektnye situatsii // Teoriya funktsional'noy grammatiki: sub'ektnost'. Ob'ektnost'. Kommunikativnaya perspektiva vyzkazyvaniya. Opredelenost'/neopredelennost'. — SPb., 1992.

4. Golub I. B. Stilistika sovremennogo russkogo yazyka. — М., 2010. С. 105.

5. Dergunova A. A. Rol' paranteticheskikh konstruksiy v tekstakh novostey nemetskoyazychnykh SMI // Vestn. MGOU. Ser.: Lingvistika. 2012. № 5. С. 74.

6. Zyubina I. A. Pragmalingvisticheskiy aspekt rechevogo povedeniya russkogovoryashchego i anglogovoryashchego gosudarstvennogo obvinatelya : dis. ... kand. filol. nauk. — Rostov n/D, 2005.

7. Lesnyak M. V. Rechevaya strategiya kak instrument modelirovaniya vozmozhnoy deystvitel'nosti v politicheskom diskurse (s pozitsii skrytoy pragmalingvistiki) // Vestn. Chelyab. gos. un-ta. 2014. № 3 (332). С. 61—67. (Filologiya. Iskuststvovedenie; vyp. 87).

8. Matveeva G. G. Nyuansy smysla v skrytoy pragmalingvistike // Filologicheskii vestnik RGU. 1998. № 2. С. 28—32.

9. Matveeva G. Identifikatsiya sotsial'nogo litsa govoryashchego: teoriya i praktika. Privychnyy vybor avtorom rechevykh signalov skrytykh grammaticheskikh znacheniy i diagnostiruyushchie svoystva rechevykh portretov. — Saarbrücken : LAP Lambert, 2011.

10. Matveeva G. G., Lenets A. V., Petrova E. I. Osnovy pragmalingvistiki. — М. : Flinta : Nauka, 2013.

11. Mikhail'skaya A. K. Russkiy Sokrat: lektzii po sravnitel'no-istoricheskoy ritorike : ucheb. posobie dlya studentov gumanitarnykh fak. — М. : Academia, 1996.

12. Peshkovskiy A. M. Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii. — М. : Uchpedgiz, 1956.

13. Pivovarchik T. A. Personal'nost': kommunikativnyy, nominativnyy, pragmaticheskiy tipy semantiki // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. 2009. № 11. S. 238—239.
14. Rozental' D. E. Prakticheskaya stilistika russkogo yazyka. — M. : Vyssh. shk., 1977.
15. Samarina I. V. Kommunikativnye strategii «sozdanie kruga chuzhikh» i «sozdanie kruga svoikh» v politicheskoy kommunikatsii : dis. ... kand. filol. nauk. — Rostov n/D, 2006.
16. Stratiychuk E. Yu. Personal'nost' kak tekstoobrazuyushchaya kategoriya khudozhestvennogo teksta : dis. ... kand. filol. nauk. — Rostov n/D, 2006.
17. Filinskiy A. A. Kriticheskiy analiz politicheskogo diskursa predvy-bornykh kampaniy 1990—2000 gg. : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Tver', 2002.
18. Kharabaeva V. I. Periferiynye sredstva vyrazheniya personal'nosti v yakutskom yazyke // Vestn. Chelyab. gos. un-ta. 2013. № 16 (307). S. 132—136. (Filologiya. Iskusstvovedenie; vyp. 78).
19. Khudyakov A. A. Kategoriya personal'nosti/impersonal'nosti: opyt kognitivnogo analiza // Kognitivnaya lingvistika: mental'nye osnovy i yazykovaya realizatsiya. — SPb. : Triton, 2005. — Ch. 1 : Leksikologiya i grammatika s kognitivnoy tochki zreniya : sb. statey k yubileyu professora N. A. Kobrina. S. 190—198.
20. Chudinov A. P. Metaforicheskaya model' «Rossiya — kriminal'naya strana» v sovremennom politicheskom diskurse // Yazyk. Chelovek. Kartina mira. — Omsk, 2000. S. 158—161.
21. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa. — Volgograd : Peremena, 2000.
22. Shlyk E. V. Zona peresecheniya kategorii modal'nosti, temporal'no-sti, personal'nosti i aspektual'nosti v russkom i angliyskom yazykakh // Vestn. Bryansk. gos. un-ta. 2012. № 2. S. 333—338.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.